

Индекс УДК 82-31

Код ГРНТИ 17.09.91

DOI: 10.22204/2587-8956-2024-117-02-76-92

Е.А. ФЁДОРОВА*

Судьба России в исторических драмах А.С. Пушкина, А.К. Толстого и А.Н. Островского

Исторические драмы А.С. Пушкина «Борис Годунов» (1825), А.К. Толстого «Царь Борис» (1869), А.Н. Островского «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» (1861, 1866) написаны в кризисное для России время. Авторы поднимают проблему выбора личности, которая берёт на себя ответственность за всю страну. В трагедиях Пушкина и А.К. Толстого прослеживаются традиции Шекспира: это мотивы вызова судьбе, одержимости, большой совести, мотивы суда и искупления. В трагедии Пушкина и Толстого показаны Самозванцы, ввергающие страну в хаос, живущие страстями и жаждущие власти. Авторы включают в произведения демонологические видения этих героев. Пушкин противопоставляет Борису Годунову Ивана Грозного, покаявшегося перед смертью, и кроткого царя Феодора. В трагедии Толстого царь Борис представлен как герой-идеолог, мечтающий стать сверхчеловеком. Ему, как и герою Пушкина, даётся демонологическое видение. Народ в трагедии Пушкина отказывается от выбора, а когда в финале видит новое злодеяние, в нём пробуждается самосознание. В исторических драмах Пушкина и Островского сюжет строится на мотивах подчинения себя воле Божией и помощи небесных сил, как в древнерусской словесности. В произведениях Пушкина и Островского показаны праведники: летописец Пимен, патриарх Иов, юродивые Николка и Григорий, Марфа Борисовна, Минин. Эти герои способны забыть о себе, думая об общем благе. Минину даётся видение преподобного Сергия Радонежского, заступника Земли русской. Видение юродивого Григория меняется, поскольку русский народ делает выбор, который определяет его судьбу. В драмах Пушкина и Островского происходит обращение к древнерусской агиографической литературе и воинской повести (видение, символика света, молитва перед боем, прощальное целование), в драме Островского показано соборное единение народа.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, А.К. Толстой, А.Н. Островский, историческая драма, традиции древнерусской словесности, мотивы

Трагедию А.С. Пушкина «Борис Годунов» (1825) можно считать одним из самых значимых произведений в истории русской словесности XIX в. На-

писанная в год восстания на Сенатской площади, она вобрала в себя размышления о судьбе России и русского человека в период кризиса и Смутного времени.

* **Фёдорова Елена Алексеевна** — доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики коммуникации Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.
E-mail: sole11@yandex.ru

Традиции Пушкина продолжили А.К. Толстой в трагедии «Царь Борис» (1869) и в исторической драматургии А.Н. Островский, в трагедиях и хрониках «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» (1866), «Козьма Захарыч Минин, Сухорук» (1861, 1866). Драматические произведения Толстого и Островского были созданы также в кризисную для Отечества эпоху, во время реформ и выбора страной своего пути. Важнейшей проблемой всех указанных исторических драм является вопрос о причинах Смутного времени и путях выхода из кризиса. В центре внимания драматургов оказываются две личности: Борис Годунов и Лжедмитрий. Главная тема данных произведений — это судьба народа и личности в переломную эпоху.

Г.Д. Гачев выделяет в драме как роде литературы онтологическую проблематику: «Судьба человека есть заинтересованная в человеке беспредельность мира, оборачивающаяся к нему как его удел» [4, с. 275]. В этом отношении трагедия Шекспира «Макбет» интересна тем, что заглавный герой хочет опередить судьбу, но она его догоняет и опережает [Там же, с. 293]. Тема судьбы является основной в трагедиях «Борис Годунов» и «Царь Борис», сюжетные мотивы исторических драм Шекспира, Пушкина и А.К. Толстого схожи.

Особенности жанра исторической драмы Пушкина, проблема соотношения авторской позиции и позиции героев до сих пор вызывают споры среди литературоведов. Так, С.М. Бонди утверждает, что, создавая своё произведение, Пушкин ориентировался не на трагедии Шекспира, а на его исторические хроники. «Бориса Годунова» исследователь считает политической и исторической драмой [1, с. 189], поскольку главное действующее лицо в трагедии — это народ, который показан как «активная решающая сила» в сцене у Лобного места и «как моральная сила» в финале [1, с. 193]. По мнению

Н.В. Захарова, главной чертой шекспировской манеры письма Пушкин считал «объективность, жизненную правду характеров» и «верное изображение времени». «По системе отца нашего Шекспира» Пушкин строил свою трагедию «Борис Годунов» (1825), объективность в изображении эпохи и характеров того времени он позаимствовал у Шекспира [8, с. 236]. Исследователь утверждает, что Пушкин, создавая русскую национальную драму, в отличие от Шекспира, обратился к категориям христианской православной культуры [Там же, с. 240].

Считая Бориса Годунова детоубийцей, Пушкин следует за Н.М. Карамзиным и древнерусскими источниками. Н.Г. Устрялов в книге, которая имела в библиотеке Пушкина [21, с. 9], приводит свидетельства тех, кто привлекался во время углицкого розыска. Большинство опрошенных Василием Шуйским считало смерть царевича Димитрия несчастным случаем. Устрялов делает вывод: «Если вѣрить нашимъ лѣтописямъ безусловно, Годуновъ заслужилъ въ полной мѣрѣ проклятіе потомства» [Там же, с. 168]. Мотив детоубийства объединяет трагедию Шекспира и Пушкина.

Макбет Шекспира совершает цепь преступлений, последнее из которых — убийство невинного ребёнка, сына Макдуфа, оказывается роковым. Малькольм говорит об этом отцу мальчика: «Макбет созрел: пора / стряхнуть плоды, Промысел Всевышний / избрал орудья»¹. В драмах Пушкина и Толстого убийство царевича Димитрия вызывает муки совести у Годунова. Он видит такой же окровавленный призрак, как Макбет видит призрак убитого им Банко. Пушкин вводит в трагедию видение-предупреждение, которое потом развернёт в знаменитую сцену М.П. Мусоргский в опере «Борис Годунов» (1868), — призрак царевича Димитрия, обгащённого кровью: «О совесть лютая, / как тяжко ты караешь! / Ежели в тебе пятно единое, /

¹ Шекспир В. Трагедии / Сост. В.П. Комарова. СПб.: Лениздат, 1993. С. 639. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Шекспир* и указанием страницы в круглых скобках.

единое случайно завелось, / душа сгорит,
нальётся сердце ядом, / так тяжко, тяж-
ко станет, / что молотом стучит в ушах /
укором и проклятьем... / И душит что-то...
(глухо) / Душит... / И голова кружится... /
В глазах... дитя... окровавленное! / Вон... вон
там, что это? / Там, в углу... / Колышет-
ся, растёт... / Близится, дрожит и стонет.../
(говорком) Чур, чур... / Не я... не я твой
лиходея... / Чур, чур, дитя! / Не я... не я... /
Воля народа! / Чур, дитя! Чур! / Господи! /
Ты не хочешь смерти грешника, / помилуй
душу преступного / царя Бориса!»¹ (ил. 1).
Мусоргский находит это видение в рассказе
Пимена об убийстве царевича Дмитрия
как свидетельство вины убийц: «Тут народ /
Вслед бросился бежавшим трём убийцам; /
Укрывшихся злодеев захватили / И приве-
ли пред тёплый труп младенца, / И чудо —
вдруг мертвец затрепетал — / «Покайте-
ся!» — народ им завопил: / И в ужасе под
топором злодеи / Покаялись — и назвали
Бориса» (Пушкин, т. 5, с. 204).

Годунов у Пушкина понимает, что «жа-
лок тот, в ком совесть нечиста» (Там же,
т. 5, с. 209). Упрекает себя в том, что дочь
его не получила личного счастья: «Я, может
быть, прогневал небеса, / Я счастье твоё
не мог устроить» (Там же, с. 224). Но под-
линного покаяния не происходит. Годунов
убеждает себя, что он может властвовать
над данным ему свыше видением: «На при-
зрак сей подуи — и нет его» (Пушкин, с. 231).
В этом он предвосхищает героя романа
Ф.М. Достоевского «Бесы», Ставрогина, ко-
торый пишет в исповеди о том, что может
властвовать над видением обиженной им
девочки Матрёши.

Сон в трагедии Пушкина выражает
«подсознательное» и «надсознательное»,

по словам Д.И. Чижевского [22]. Годунов
после известия об «ожившем» царевиче
Дмитрии вспоминает свой сон: «Так вот
зачем тринадцать лет мне сряду / Все сни-
лось убитое дитя!» (Пушкин, т. 5, с. 231). Он
воспринимает это как возмездие за своё
преступление. Однако покаяния не про-
исходит. Тема смерти невинного ребёнка
ради будущей мировой гармонии будет
подхвачена Достоевским в романе «Бра-
тья Карамазовы» в знаменитой речи Ивана
Карамазова о «слезинке» ребёнка.

В письме к П.А. Вяземскому о плане «Бо-
риса Годунова» от 13 сентября 1825 г. Пуш-
кин ссылается на «Историю государства Рос-
сийского» Н.М. Карамзина — «конец 10-го
и весь 11-ый том»². Свою трагедию он по-
свящает памяти Карамзина. В целом Пушкин
следует за великим русским историогра-
фом, но вносит свои коррективы, особен-
но в осмысление характеров Бориса Году-
нова и Лжедмитрия. Карамзин, обращаясь
к древнерусским летописям, показывает
Годунова властолюбцем, готовым на всё
ради завладения престолом. Как и Макбет,
Годунов у Карамзина верит в предсказание,
что станет царём: «Имея ум редкий, Борис
верил однако ж искусству гадателей; при-
звал некоторых из них в тихий час ночи
и спрашивал, что ожидает его в будущем?
Льстивые волхвы или звездочёты ответство-
вали: *тебя ожидает венец...*»³. В трагедии
Пушкина нет мотива предсказания. Карам-
зин показывает возможный путь спасения
для Годунова, повествуя о судьбе убийцы ца-
ревича Клещине, который после покаяния
ушёл в монастырь (Карамзин, с. 256). Мотив
покаяния в трагедии Пушкина связан с иным
героем — Иваном Грозным, которого старец
Пимен противопоставляет Борису Годунову.

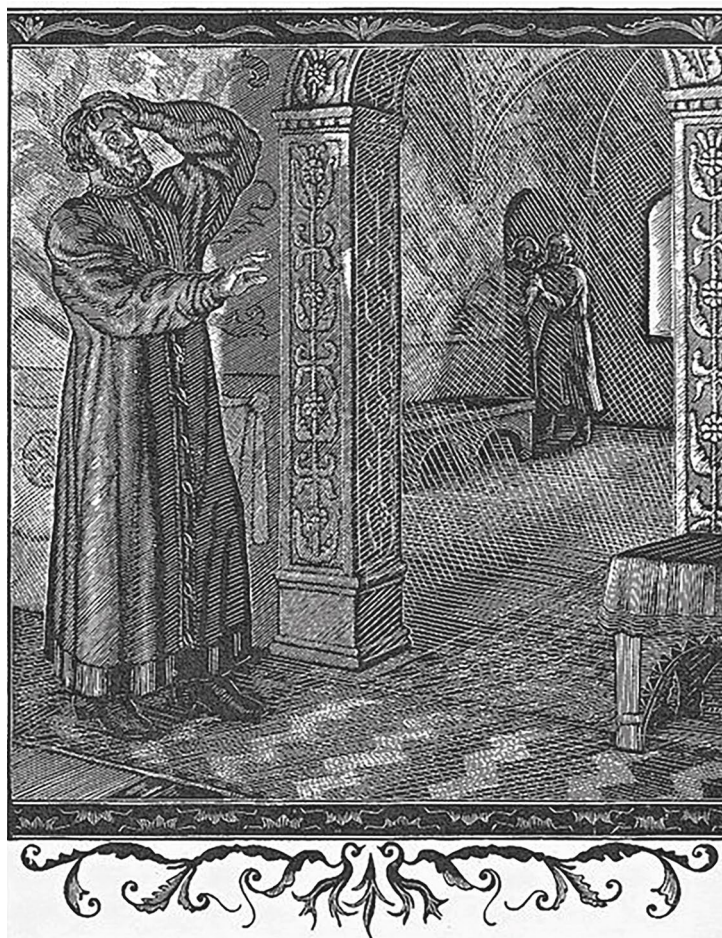
¹ Мусоргский М.П. Либретто оперы «Борис Годунов». URL: <https://100oper.ru/boris-godunov-libretto.html?ysclid=lu8pygcdbs718234503> (дата обращения: 25.03.2024).

² Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Т. 10: Письма / Текст проверен и примечания составлены Б.В. Томашевским. Л.: Наука, 1979. С. 141. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Пушкин* и указанием тома и страницы в круглых скобках.

³ Карамзин Н.М. История Государства Российского / Прим. А.М. Кузнецова. Т. IX–XII. Калуга: Золотая аллея, 1994. С. 250. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Карамзин* и указанием страницы в круглых скобках.

В драме А.К. Толстого «Царь Борис» (1869) Борис Годунов предстаёт как герой-идеолог¹. Общими для трагедии Шекспира и Толстого являются мотив страха, который толкает героев к новым преступлениям, и мотив вызова судьбе. В трагедии Шекспира, совершив первое преступление, Макбет кричит: «Выступай, судьба, / И мы с тобой сразимся насмерть!» (Шекспир, с. 604). После того как Макбет узнаёт о совершившихся предсказаниях, он вновь бросает вызов: «Дерзаю до конца» (Шекспир, с. 653). В трагедии А.К. Толстого после венчания на царство Борис Годунов уверяет сначала себя, а потом свою сестру Ирину, что благая цель оправдывает неправые средства: «Кто может / осудить / Меня теперь, что не прямой дорогой / Я к цели шёл?» (Толстой, т. 3, с. 399). Увидев знаки любви от подданных, Годунов говорит себе: «Судьба / меня / Не выдала! / Я с совестью счёты / Сегодня свёл — и не боюсь поставить / Моих заслуг и винностей / итог!» (Там же, т. 3, с. 399). У Ирины он просит оправдания, но находит его сам: «Сегодня я / Оправдан / Любовию народной и / успехом / Моих забот о царстве» (Там же, т. 3, с. 407). Борис Годунов использует приёмы манипуляции, чтобы уйти от ответственности за совершённое убийство царевича Димитрия: «То место, где я / стал, Оно моё затем лишь, что / другого / Я вытеснил! Не прав / перед другими / Всяк, кто живёт!» (Там же, т. 3, с. 409). Это предвосхищает слова героя Достоевского, Ивана Карамазова, на суде о том, что всякий желает убить своего отца.

Объединяет героев Шекспира и Толстого утверждение идеи сверхчеловека. Макбет

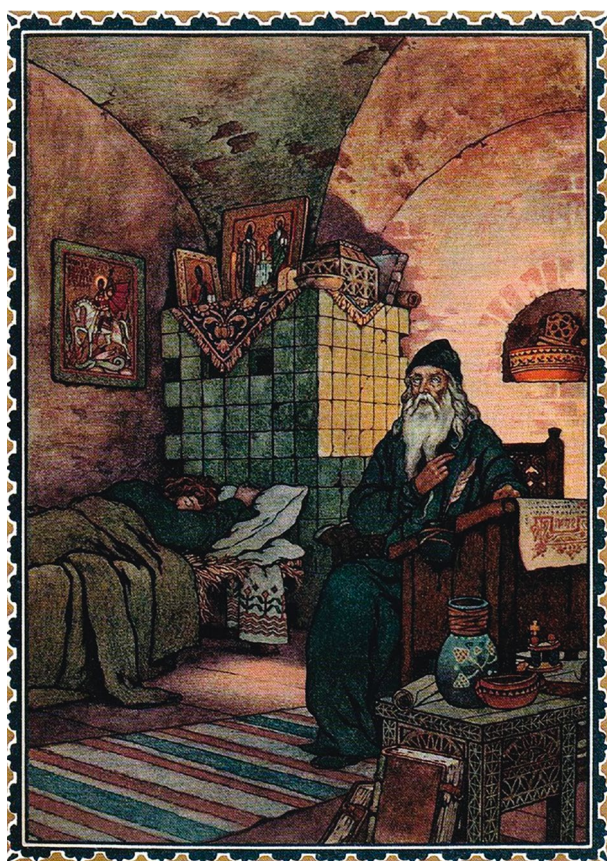

Ил. 1. В.А. Фаворский. Иллюстрация к драме А.С. Пушкина «Борис Годунов». Монолог Бориса Годунова (1955)

пытается остановить свою супругу, когда она замышляет первое преступление: «Я смею всё, что можно человеку, / Кто смеет больше, тот не человек» (Шекспир, с. 584). В ответ на это леди Макбет отказывается признать предел человеческого естества: «Ты большим стать хотел, чем был, и стал бы / Тем больше человеком» (Шекспир, с. 584).

Сестра царя Бориса, Ирина Годунова, напоминает брату, что, одержимый страстью власти, преступив через кровь человека, невинного младенца, он изменил свою человеческую природу: «...схваченный неудержимой страстью, / Из собственной при-

¹ Толстой А.К. Полное собрание сочинений и писем: В 5 т. Т. 3: Дон Жуан. Смерть Иоанна Грозного. Царь Фёдор Иоаннович. Царь Борис. Посадник / Сост., подг. текстов В.А. Котельников, Коммент. В.А. Котельникова и Ю.М. Прозорова. М.: Ред.-изд. центр «Классика», 2018. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Толстой* и указанием тома и страницы в круглых скобках.

Ил. 2. Б.В. Зворыкин. Иллюстрация к драме
А.С. Пушкина «Борис Годунов».
Келья в Чудовом монастыре (1927)

роды ею / Ты / исхищен был» (Толстой, т. 3, с. 407). Единственный выход — это путь искупления: «Брат, я за / каждым днём / твоим слежу, моля всечасно / Бога, / Чтоб каждый день твой / искупленьем был / Велико-го, ужасного греха» (Толстой, т. 3, с. 407). Ирина, подобно героине Достоевского, Соне Мармеладовой, после исповеди брата прониклась к убийце «глубокой жалостью».

Ещё один общий мотив в трагедии Шекспира и Толстого — это мотив одержимости нечистой силой. Макбет признаётся: «...мой вечный клад / Вручил исконному врагу людскому» (Шекспир, с. 604). Ирина Годунова видит «двойника» Годунова, который приобретает демонические черты: «Я вижу тень. Куда бы ни пошёл ты, / Везде, везде зловещая она / Идёт с тобой» (Толстой, т. 3, с. 409). Е.О. Модникова, сопоставляя трагедию Пушкина и Толстого,

считает, что «глубокое различие с концепцией А.С. Пушкина в том, что Дмитрий у А.К. Толстого не реальное лицо, а фантом, призрак. Бориса не устрашает реальное лицо — Самозванец, против которого он принимает реальные меры, но приводит в ужас появление призрака убитого Дмитрия» [13, с. 22]. Годунову даётся демонологическое видение, и окружающие видят его одержимость. Не в силах заснуть, ночью Годунов видит на своём престоле тень: «Бессоница! — Но нет — я точно вижу — / Вновь что-то там колеблется, как дым, — / Сгущается — и образом стать хочет! / Ты — ты! Я знаю, чем ты хочешь стать, — / Сгинь! Попади!» (Толстой, т. 3, с. 495). Стражники пугаются этой сцены, призывая небесные силы: «Святая сила с нами!», «Помилуй Бог нас!» (Там же, с. 495). Сам А.К. Толстой писал о призраке Годунова как демонологическом персонаже: «Бой, в котором погибает мой герой, — это бой с призраком его преступления, воплощённым в таинственное существо, которое ему грозит издалека и разрушает всё здание его жизни»¹. Так, «двойник» Годунова из тени воплощается в образ.

Как и Карамзин, Толстой противопоставляет Годунову Клешнина, который приходит к покаянию. Годунову даётся последний шанс, когда он встречается с Андреем Клешным, убийцей царевича Дмитрия, который принял постриг и стал монахом Левкием. Клешнин призывает Годунова к покаянию: «Мерзость ты свою / Познай, как я; прими такую ж схиму; / Сложи венец, молися и постись» (Толстой, т. 3, с. 495). Годунов, как и герой Шекспира, возражает ему: «С судьбой бороться буду / Я до конца!» (Там же, с. 501). Однако в финале трагедии ему приходится признать: «Неизлечим недуг / Душевный мой» (Там же, с. 506). Годунов умирает раньше своей физической смерти: Голицын при жизни называет его «мертвецом» (Там же, с. 511). Перед смертью Борис Годунов вынужден признать: «Господь карает ложь — От зла лишь зло

¹ Толстой А.К. Собрание сочинений: В 4 т. / Сост. и общ. ред. И.Г. Ямпольского. М.: Правда, 1980. Т. 4. С. 466.

родится — Себе ль мы им служить хотим
иль царству» (Там же, с. 518).

Как герой-идеолог Годунов отказывается от пути искупления и покаяния: «Не под ярмом раскаянья / Согбен, / Но полный сил, с подъятою / Главою / Идти вперед я должен, чтоб / Руси / Путь расчищать!» (Там же, с. 409). Толстой показывает, что, переступив черту и оправдав себя, Борис Годунов неизбежно идёт по пути новых и новых преступлений. Сначала царь Борис провозглашает: «Не страхом я — любовью / хочу / держать людей» (Там же, с. 405). Но, узнав о том, что Лжедмитрий привлекает к себе новых и новых людей, а Годунова сравнивают с Иваном Грозным, царь Борис решает напомнить подданным «царя Ивана» (Там же, с. 451). Он начинает осуществлять репрессии против всех, кто не поддерживает его власть. Из милостивого и справедливого государя он превращается в деспота, который множит свои преступления против народа. З.Я. Сафонова считает, что Годунов похож на Ивана Грозного честолюбием и жадностью власти [16, с. 20].

В отличие от Карамзина и Пушкина, Толстой показывает, что наказание настигает Годунова в частной жизни: его жена, дочь Малюты Скуратова, также идёт на преступление, узнав, что жених дочери, герцог Христиан, знает правду об убийстве царевича Дмитрия. Разрушается союз чистых сердцем юных героев, за которыми будущее: сына Фёдора, дочери Ксении и её жениха. Возлюбленный Ксении Годуновой, принц датский, герцог Христиан, отравленный, умирает. Сын Фёдор отказывается принять престол и даже сказать «приветное слово» отцу (Толстой, т. 3, с. 506).

Второй самозванец, претендующий на власть в трагедии Пушкина, — Лжедмитрий. Н.М. Карамзин называет его мечтателем, которому внушили мысль о том, что он сможет стать орудием возмездия для Годунова: «Мысль чудная уже поселилась и зрела в душе мечтателя, внушённая ему, как уверяют, одним злым иноком: мысль, что смелый самозванец может воспользоваться легковерием россиян, умиляемых памятию

Дмитрия, и в честь Небесного Правосудия казнить святоубийцу!» (Карамзин, с. 370).

И.З. Серман, видимо, обращается к концепции Карамзина и считает, что в трагедии Пушкина рассказ Пимена о гибели царевича Дмитрия внушил Григорию Отрепьеву фанатичную веру в своё предназначение отомстить Годунову за смерть царевича и в жизни воплотить эту «поэтическую мечту» [17]. При этом исследователь воспринимает Лжедмитрия как нарушителя традиций и норм, не верящего в Бога [Там же, с. 122]. С этим трудно согласиться.

Сон Григория Отрепьева в монастыре, о котором он рассказывает Пимену, несёт несколько смыслов: он предвещает его будущую смерть — падение с колокольни, он же в символической форме показывает грехопадение героя, одержимого гордостью: «И, падая стремглав, я пробуждался». Григорию во сне даётся предупреждение: не возноситься над людьми, считая их «муравейником». У него есть страх Божий и стыд. Ухтомский, вслед за Иоанном Лествичником, считал, что стыд и любовь даны всем людям, что это «естественный закон». Но «плотской» человек начинает торжествовать в Григории Отрепьеве. Начинается всё с желания пожить яркой, насыщенной жизнью, в войнах и пирах, какой была жизнь Пимена до ухода в монастырь. Предостережения Пимена о том, что надо смирять себя молитвой и постом, и о том, что выше всех царей «единый Бог», Григорий не слышит. Но рассказ об убиенном царевиче воспринимает как свидетельство незаконности власти правителя:

*Борис, Борис! всё пред тобой трепещет,
Никто тебе не смеет и напомнить
О жребии несчастного младенца, —
А между тем отшельник в тёмной келье
Здесь на тебя донос ужасный пишет:
И не уйдешь ты от суда мирского,
Как не уйдешь от Божьего суда
(Пушкин, т. 5, с. 204) (ил. 2).*

Ошибка Отрепьева заключается в том, что он думает, будто летописец записыва-

Ил. 3. Преподобный Сергей Радонежский с житием и «Сказанием о Мамаевом побоище» (сер. XVII в.). Ярославский художественный музей

ет всё происходящее вокруг, «добру и злу внимая равнодушно», без этической оценки происходящего. Он сам готов смешать добро и зло, нивелировать духовные ценности. Пушкин при создании этого героя подступает к изображению героя-идеолога, вроде Германна в «Пиковой даме» или Пугачёва в «Капитанской дочке». У Григория Отрепьева есть своя жизненная философия. Лжедмитрий показан Пушкиным как человек сильных страстей. В этом он напоминает Пугачёва, героя «Капитанской дочки», когда тот рассказывает калмыцкую сказку о вороне и орле. О связи повести «Капи-

танская дочка» с трагедией «Борис Годунов» пишет Еремеев [5], указывая, что Пугачёв вспоминает Самозванца: «Для меня не будет помилования. Буду продолжать как начал. Как знать? Авось и удастся! Гришка Отрепьев ведь поцарствовал же над Москвою»» (Пушкин, т. 6, с. 337). Григорий Отрепьев слышит из уст монаха Пимена повесть о злодеянии Годунова и решает вступить в борьбу с царём Борисом, поскольку понимает, что тот совершил грех, преступление, поэтому его ожидает «Божий суд». Себя Отрепьев воспринимает как орудие Бога.

Когда Григорий Отрепьев видит своих новых сторонников, он ещё раз убеждается в своём избранничестве: «Всё за меня: и люди, и судьба» (Пушкин, т. 5, с. 204). Окончательный выбор делает Отрепьев, когда встречается с Мариной Мнишек. Григорий испытывает сильное чувство к гордой польке, ради которой он готов отказаться от борьбы за власть. Однако он видит, что Марина Мнишек останется с ним при условии, что он возьмет власть в свои руки (ей неважно, кто он на самом деле), и он возвращается к своей идее возмездия: «Тень Грозного меня усыновила, / Дмитрием из гроба нарекла, / Вокруг меня народы возмутила / И в жертву мне Бориса обрекла» (Пушкин, т. 5, с. 246). Именно в этот момент автор называет его не «Григорием», а «Дмитрием», поскольку он чувствует себя в роли Дмитрия. Приняв решение вести иноземные войска на Москву, герой Пушкина окончательно становится «Самозванцем». Б.А. Успенский замечает, что в диалоге патриарха и игумена слова Отрепьева о том, что он «будет царём» называются «ересью», поскольку, по представлению человека того времени, царский титул даётся человеку Богом [20, с. 202].

Можно заметить, что в Григории Отрепьеве угадываются черты будущего «великого инквизитора» Достоевского, поскольку он презирает «чернь» и считает, что в народе нет истинной православной веры. Как великий инквизитор, Лжедмитрий осознаёт, что идёт не за Христом, а за антихристом, но продолжает этот путь и собирается вести за собой народ. В беседе с патером Черниковским Лжедмитрий утверждает, что в течение двух лет сможет добиться того, что русский народ примет католическую веру. Именно с этого эпизода он именуется в трагедии Самозванцем:

*Нет, мой отец, не будет затрудненья;
Я знаю дух народа моего;
В нём набожность не знает исступленья:
Ему священ пример царя его.
Всегда, к тому ж, терпимость
равнодушна.
Ручаюсь я, что прежде двух годов
Весь мой народ, вся северная церковь
Признают власть наместника Петра
(Пушкин, т. 5, с. 204).*

В житии царевича Димитрия Угличского рассказывается о явлении убиенного младенца Тихону и пророчестве о гибели «властолюбца» Бориса Годунова и его рода. Тот, кто «со престола свержеть и царства лишитъ, и родъ его весь погубитъ», представляется в агиографическом источнике как орудие гнева Божия. Вместе с тем дважды Григорий Отрепьев называется «не царевъ сынъ, но сосудъ диаволь». Его преступлением становится не только самозванство, но и желание «въру христианскую до конца искоренити», а также убийство «многочисленного множества» людей и «Бориса сына и жены его», которых он повелел «удавити»¹. Пушкин точно следует за древнерусским источником и Карамзиным. Патриарх в пушкинской трагедии, узнав о том, что Григорий заявил «буду

царём на Москве!», называет его «сосудом диавольским», т.е. одержимым нечистой силой (Пушкин, т. 5, с. 205). Мотив одержимости и вызова судьбе объединяет героя Пушкина с Макбетом, героем Шекспира.

Однако в трагедии Пушкина есть мотив, который не встречается у Шекспира, поскольку он обращает читателя к национальным традициям. В библиотеке Пушкина находилось «Сказание о Мамаевом побоище» [12, с. 9], аллюзию к которому Пушкин вкладывает в уста Годунова. Речь идёт об участии в Куликовской битве монахов Свято-Троицкой лавры, которых благословил на битву преп. Сергей Радонежский (ил. 3). Борис Годунов размышляет: «...В прежни годы, / Когда бедой Отечеству грозило, / Отшельники на битву сами шли, но не хотим тревожить ныне их» (Пушкин, т. 5, с. 290). Мотив отказа Бориса Годунова от помощи небесных сил повторяется в сцене с патриархом Иовом, который предлагает перенести мощи царевича Димитрия в собор Михаила Архангела, небесного покровителя воинов.

Древнерусские источники трагедии Пушкина достаточно хорошо исследованы в отечественной науке. В.А. Бочкарёв показывает связь пушкинского произведения с Подробной летописью, со «Сказанием» Авраамия Палицына [25, с. 6], в Житии царевича Димитрия Угличского, входящего в Четьи Минеи Димитрия Ростовского, находит темы Божьего гнева и угрызений совести, считает данное житие источником монолога патриарха Иова [Там же, с. 9]. Ю.М. Лотман в комментариях к трагедии Пушкина упоминает также Никоновскую летопись, «Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства», изданную в 1771 и 1788 гг. Н.И. Новиковым, «Хронограф» 1617 г., «Летопись о многих мятежах» и др. [9]. Н.В. Трофимова показывает, как Пушкин развивает идеи и образы Жития царевича Димитрия, входя-

¹ Житие царевича Димитрия Угличского / Подг. текста, перев. и коммент. Т.Р. Руди // Библиотека литературы Древней Руси. Санкт-Петербург: Наука, 2006. Т. 14. С. 118. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Житие* и указанием страницы в круглых скобках.

щего в Четъи Минеи Иоанна Милютина, а также «Сказания о царстве государя и великого князя Феодора Иоанновича» [19]. Несмотря на это основательное изучение источников, нет обращения к «Сказанию о Мамаевом побоище», историософская проблематика древнерусских произведений также редко становится предметом размышлений исследователей.

Л.М. Лотман, размышляя о Промысле Божиим в трагедии, соединяет точку зрения автора и Бориса Годунова, поэтому утверждает, что скептицизм Пушкина выражается и в том, что вера Бориса Годунова в справедливость и милость Провидения не оправдывается. Провидение хранит Самозванца-авантюриста (слова Гаврилы Пушкина «хранит его, конечно, Провиденье» — сцена «Лес») и обрекает на гибель невинного юного сына Бориса Феодора вопреки надежде его отца («Но Бог велик! Он умудряет юность, Он слабости дарует силу» — сцена «Москва. Царские палаты») [9]. Это противоречит размышлениям Пушкина о Промысле Божиим в рецензии на второй том «Истории русского народа» Н.А. Полевого (1831): «Не говорите: “иначе нельзя было быть”. Коли было бы это правда, то историк был бы астрономом, и события жизни человеческой были бы предсказаны в календарях, как затмения солнечные. Но Провидение не алгебра, Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть случая — мощного, мгновенного орудия Провидения» (Пушкин, т. 7, с. 143–144). На наш взгляд, Пушкин в трагедии «Борис

Годунов», следуя традиции древнерусской словесности, показывает, как нравственный выбор любой личности определяет её судьбу, а выбор правителя — судьбу народа.

«Житие царевича Димитрия Угличского» является одним из источников трагедии Пушкина «Борис Годунов», поскольку автор трагедии следует изложенному в житии пониманию истории и характеристике главных героев. Так, Феодор Иоаннович показан в агиографическом источнике и в пушкинской трагедии как правитель, имеющий страх Божий, пребывающий в непрестанных молитвах. В «Повести о Житии Фёдора Ивановича» патриарха Иова показано преображение царя Феодора перед смертью, когда ему даётся видение «светлого мужа»: «Зрите ли? Одра моего предстоит мужь светел во одежде святителстей, ити ми, глаголя, с собою повелѣвает». Они же чюдишася на мноꝝ час, царя убо единого зряще и того зело изнемогающе, мужа же не видяще, ни гласа его не слышаще; и мнѣша воистину аггела Божия пришедша к нему и возвещающа ему к Богу отшествие»¹. В трагедии Пушкина Монах Пимен подчеркивает кротость царя Феодора: «Бог возлюбил смирение царя»². Пушкин передаёт Пимену свидетельство о его предсмертном видении: «в час его кончины / Свершилося неслыханное чудо, / К его одру, царю едину зримый, / Явился муж необычайно светел, / И начал с ним беседовать Феодор...» (Пушкин, т. 5, с. 203).

Пушкин противопоставляет, вслед за древнерусским книжником, кроткого Феодора Иоанновича Борису Годунову и Григорию Отрепьеву. Борис Годунов в «Житии царевича Димитрия» вначале показан как «многосмыслень и разумень

¹ Повесть о честнѣм житии благовѣрнаго и благородного и христоролюбиваго государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси, о его царьскомъ благочестии и о добродѣтелномъ исправлении, о святѣм его преставлении. Писано смиреннымъ Иевомъ Патриархомъ Московскимъ и всеа Руси / Подг. текста В.П. Бударagina, перев. и коммент. А.М. Панченко // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10862&ysclid=lu6nmhcm1h302323270> (дата обращения: 24.03.2024).

² Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); Т. 5. Евгений Онегин. Драматические произведения / текст проверен и примечания сост. проф. Б.В. Томашевским. Л.: Наука, 1978. С. 202. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Пушкин* и указанием тома и страницы в круглых скобках.

зѣло». Но жажда «величества и славы» ведёт к тому, что нечистый дух «влагаетъ ему во сердце злую мысль и ненависть, еже той царский корень искоренити и самому сѣсти на престолѣ царствѣмъ» (*Житие*, с. 104). Древнерусский книжник пишет об одержимости Годунова: «Искони бѣ ненавидяй рода человѣческаго древний змий, Сатана, иже николиже никому содѣваетъ добро, но выну сотворяетъ зло, вложи убо во умъ тому Борису...» (*Житие*, с. 104). После этого Борис Годунов, забывая о страхе Божиим, отдаёт приказ убить царевича Димитрия, «аки агньца незлобива».

В трагедии Пушкина Борис Годунов упрекает народ, «чернь» в неблагодарности, повествуя о том, как он помогал народу во время голода и пожара. Но в житии царевича Димитрия щедрость царя Бориса объясняется его эгоистической попыткой остановить мятеж и народную молву об убийстве царевича: «Той же Борисъ, коварень зѣло и вѣдѣ свою совѣсть, видѣ тѣхъ людей, у нихже погорѣша дома и имѣнья многа, в скорби и печали величѣй суще, и повелѣ имъ сребро давати десятирицею противу той тщеты ихъ и погибели, да не будетъ имъ скорбь и печаль велия о доиѣхъ своихъ и о имѣннихъ своихъ, да не будетъ паки мятежь и говоръ во граде и да отведетъ имъ всю мысль, яже о царевиче Димитрие» (*Житие*, с. 110).

В житии царевича Димитрия Угличского Годунов сравнивается с Каином не только потому, что совершил братоубийство, но и потому, что его терзают муки совести и болезни: «совѣстию внутрь обличаемъ и аки копиемъ прободаемъ» (*Житие*, с. 114). Однако несмотря на то, что он знает о чудесах, исходящих от мощей невинного отрока, и осознаёт святость убиенного отрока и свою неправоту, он «не восхотѣ покаяния предъ нимъ положить, ниже прощенья отъ него получить, и послѣди за таковую гордость злѣ гнѣвомъ Божиимъ побѣжденъ бысть, такожде и родъ его весь погибаетъ и искореняется». В агиографическом источнике указывается причина преступления Бориса Годунова — гордость,

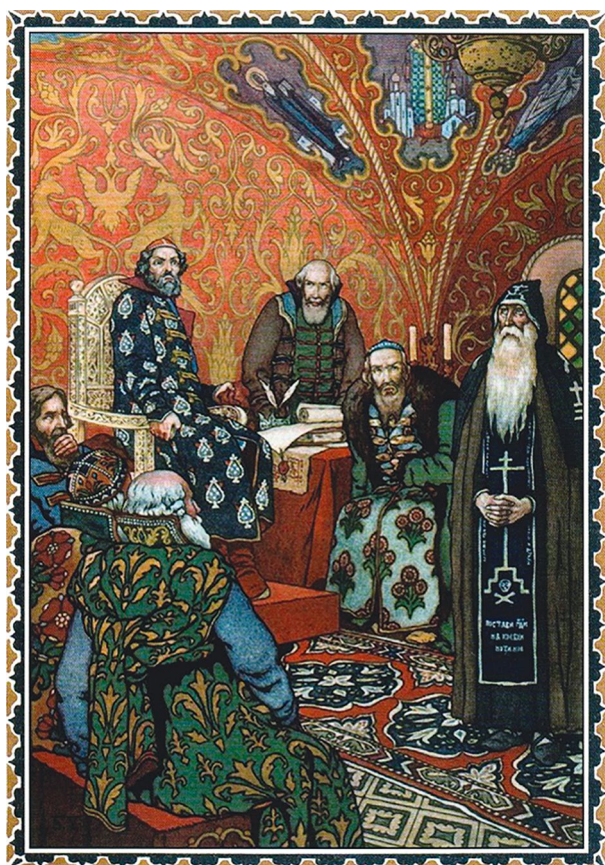

Ил. 4. Б.В. Зворыкин. Иллюстрация к драме А.С. Пушкина «Борис Годунов». Юродивый (1927)

следствием чего становится его гибель и искоренение рода.

Истину несут герои, связанные с православной верой: это летописец Пимен и юродивый, обличающие Бориса Годунова. Юродивый в ответ на просьбу Бориса Годунова помолиться за него возражает, что «нельзя молиться за царя Ирода — Богородица не велит» (*Пушкин*, т. 5, с. 260). Невинно убиенный младенец соотносится с Христом, а его гонитель — с Иродом (ил. 4).

Патриарх Иов обращается к Борису Годунову с предложением перенести мощи царевича Дмитрия в Московский кремль, в собор Архангела Михаила, покровителя воинов, и рассказывает о чуде исцеления от мощей невинно убиенного отрока. Это могло стать спасением для Руси [18] (ил. 5). Но заступничество Пресвятой Богородицы и святого отрока Димитрия за русскую землю возможно лишь при условии, что власть правителя будет от Бога. Шуйский утверждает, что ложь Бориса Годунова развязывает

Ил. 5. Б.В. Зворыкин. Иллюстрация к драме А.С. Пушкина «Борис Годунов». Сцена в Успенском соборе (1927)

руки всем, кто может претендовать на престол, т.е. если бы Годунов публично покался, он мог бы сохранить власть и государство.

*Когда Борис хитрить не перестанет,
Давай народ искусно волновать,
Пускай они оставят Годунова,
Своих князей у них довольно,
пусть Себе в цари любого изберут
(Пушкин, т. 5, с. 205).*

Трагедию Пушкина отличает от трагедии Шекспира также то, что героем его исторической драмы является народ. Он показан в сцене, когда бояре уговаривают Бориса Годунова принять царство. Люди из народа отказываются от своего выбора, предостав-

ляя его боярам: «А как нам знать? то ведают бояре» (Пушкин, т. 5, с. 195). Один из крестьян хочет помазать глаза луком, чтобы заплакать, баба бросает младенца о землю, чтобы его плачущий голос присоединился к другим плачам. Однако Григория Отрепьева народ поддерживает, поскольку хочет верить, что царевич Дмитрий спасся. Но это продолжается до тех пор, пока новый правитель не преступает через жизни других людей и кровь невинных детей. Известие в финале трагедии о том, что мать Феодора Годунова и сам наследник Бориса Годунова отравились, народ принимает в безмолвии, поскольку к русскому человеку приходит осознание страшного обмана и нового преступления («народ в ужасе молчит»). Самозванец, приказавший убить Фёдора Годунова, становится таким же детоубийцей, как царь Борис. Подобное понимание приводит к пробуждению самосознания народа.

Создавая драму «Козьма Минин, Сухорук» (1861, 1866), А.Н. Островский продолжал традиции своих предшественников (ил. 6). Однако если А.К. Толстой больше следует за Шекспиром, нежели Пушкин, то Островский развивает черты исторической национальной драмы. Есть у него герои, которые были в стане Самозванца и продолжают нести смуту, — Биркин и его слуга Павлик. Им противопоставлены праведники: Минин, «выборный всей земли Русской», чувствующий, что его ведёт Промысел Божий, и вдова купца Марфа Борисовна, как называет её Минин, «святая душа». Минин говорит о том, что враг силен Божьим гневом, но «Господь не век враждует против нас / И грешнику погибели не хочет. / Враг одолел, творя его веленье, / Смирились мы, и нам Господь пошлёт / победу на врага и одоление»¹. Марфа Борисовна даёт зарок не выходить замуж, пока «Господень гнев не утолится» (Островский, т. 4, с. 369).

¹ Островский А.Н. Полное собрание сочинений и писем: В 18 т. / Редкол.: И.А. Овчинина (гл. ред.) и др. Т. 4: Сочинения, 1861–1865 / Ред. тома И.А. Овчинина; Подгот. текста и коммент. Е.Н. Беякова, А.А. Виноградов, И.А. Овчинина, А.С. Перникова. Кострома: Костромаиздат, 2021. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Островский* и указанием тома и страницы в круглых скобках.

Мотив Божьего суда и искупления вины страданием восходит также к «Сказанию о Мамаевом побоище».

Мотивы нестяжания, самоотверженности соединяются с мотивом отдания себя в волю Божию и мотивом заступничества небесных сил. Минин объединяет вокруг себя народ, призывая его к пробуждению и готовности пострадать за своих братьев: «Разве в нас сердца окаменели? Не все ль мы дети матери одной? Не все ль мы братья от одной купели?» (*Островский*, т. 4, с. 337). Видение преподобного Сергия Радонежского, которое даётся Минину в то время, как в Нижний Новгород приходит грамота от узника Гермогена из Троице-Сергиевой Лавры, убеждает его: «Я слуга Господень» (*Островский*, т. 4, с. 331) (ил. 7). Его поддерживает народ: «Божья воля!» (*Там же*, с. 322). Козьма Захарьич служит молебн своему небесному покровителю, «бессеребреннику» Косме, и отдаёт всё своё имущество на нужды ополчения: «Душа дороже денег» (*Там же*, с. 329). С помощью текстологического анализа черновых вариантов произведения А.А. Виноградов показывает, что Островский в своей хронике подчёркивает тему соборного единения: голос Минина во время народных собраний соединяется с голосами из народа [3, с. 291].

Ещё одним героем, проявляющим самопожертвование, становится князь Дмитрий Пожарский (ил. 8). Он участвовал в первом походе на поляков и получил ранение, но узнав об ополчении, вновь вступает в воинские ряды. Традиции воинской повести («Сказание о Мамаевом побоище») проявляются и в сцене, когда перед сражением Минин и Пожарский обмениваются последним целованием (*Островский*, т. 4, с. 357). Островский показывает грешников, которые искупают свою вину кровью. Колзаков, бывший пьяница, отдаёт на общие нужды последнее, что у него было, — свой серебряный крест, а во время сражения погибает за «святую Русь» (*Островский*, с. 359). Перед смертью стрельцы говорят ему, что за его мученическую смерть его «Господь простит» (*Островский*, с. 359).

Ил. 6. Афиша Костромского городского театра

Островский выстраивает систему образов так, что антиподами становятся персонажи, думающие о себе, и герои, готовые принести себя в жертву ради общего спасения. Так, к Марфе Борисовне сватаются два купца: Лыткин и Пospelов. Лыткин отдаёт, как и все нижегородцы, треть своего имущества для народного ополчения, но надеется, что возместит убытки за счёт приданого Марфы Борисовны (*Островский*, с. 342). Пospelов не только отдаёт своё имущество, как и его невеста, но идёт воевать. Тяжело раненый, он уже прощается с жизнью, но чудесным образом появившийся старец спасает ему жизнь. Пospelов говорит о чуде: «Сам Бог тебя послал» (*Там же*, с. 362). Во второй редакции пьесы после победы и возвращения Пospelов становится мужем Марфы Борисовны. Островский показывает, что за выбором чистой душой героини скрывается Промысел Божий.

Ил. 7. Нестеров М.В. Видение Козьмы Минина (1888)

Среди значительных отличий пьес Пушкина и Островского — образ юродивого, а также мотивы предупреждения и предсказания. Видение как откровение Божие даётся чистому сердцем герою. В.С. Непомнящий в героях Пушкина — летописце Пимене и юродивом Николке — видит выразителей «провиденциального характера возмездия» [15, с. 227]. Г.В. Мосалева, Н.П. Жилина и Т. Жилина-Элс в драме Островского 1881 г. находят героев, которые могут отрешиться от своеволия, от житейского и суетного, героев, живущих со-

борным сознанием, — это юродивый Гриша и Козьма Захарыч Минин [14, с. 92; 6, с. 73]. Феномен юродивого героя, его значение в приобщении народа к Истине исследует также О.А. Мартиросян [10]. Г.В. Мосалева называет героизм Минина «провиденциальным», поскольку «его решимость собрать ополчение благословлена свыше» [14, с. 92].

Юродивому Григорию дважды даются видения. В начале пьесы он видит «длинную дорогу» «тёмными лесами», которая ведёт «к честным обителям» (Островский, т. 4, с. 283). Но храмы в его видении без ку-

Ил. 8. Скульпторы Микешин М., Шредер И., архитектор Гартман В.
Минин и Пожарский. Памятник Тысячелетию России. Великий Новгород (1862)

полов, без пения, без богослужения. После сбора денег и создания ополчения юродивый видит уже иную картину: «...На церквах главы / Все золотые, Вот одна всех краше / На солнышке играет голова, / Река, как лента вьётся... / Кремль!.. Москва!...» (*Островский*, с. 346). Так выбор народа («народ готов на подвиг») определяет его судьбу.

А.С. Пушкин и А.К. Толстой, размышляя о роли личности в истории, создавая образ Бориса Годунова, во многом следуют за Шекспиром. В их исторических драмах, как и в трагедиях Шекспира, используются мотивы вызова судьбе, одержимости, страха, который толкает к новым преступлениям, мотивы больной совести, суда, искупления. Это позволяет проблеме преступления и наказания вывести на онтологический уровень. Пушкин и Толстой, вслед за Шекспиром, создают героя-идеолога, который стремится переступить через человеческую природу и стать сверхчеловеком, однако терпит поражение. Это пред-

восхищает проблематику произведений Ф.М. Достоевского.

Вместе с тем в русской исторической драме А.С. Пушкина и А.Н. Островского есть мотивы, которые восходят к древнерусским воинским повестям и агиографическим сочинениям. Это мотивы нестяжания и самоотверженности, отдания себя в волю Божию и мотив заступничества небесных сил за русскую землю. Гордость и властолюбие Самозванцев в трагедиях Пушкина и Толстого, а также отказ народа от выбора ведёт к гибели и разрушению страны. Борису Годунову Пушкина и Толстого даётся демонологическое видение как предостережение. Духовное очищение может произойти или через покаяние, или искуплением страданием. Чистым сердцем героям Пушкина, Островского даётся спасение и прощение. Соборное единение народа, готовность русских людей на подвиг во имя Отечества определяет судьбу России в один из самых кризисных периодов её существования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бонди С.М. О Пушкине. Статьи и исследования. М.: Художественная литература, 1983.
2. Бочкарёв В.А. Трагедия А.С. Пушкина «Борис Годунов» и отечественная литературная трагедия // Болдинские чтения. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1988. С. 4–13.
3. Виноградов А.А. Об исторических источниках хроники А.Н. Островского «Козьма Захарыч Минин, Сухорук» // Филология: научные исследования. 2018. № 4. С. 286–295.
4. Гачев Г.Д. Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр. М.: Просвещение, 1968.
5. Еремеев А.Э. Эстетические и поэтические особенности трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2021. Т. 15. № 4. С. 8–20.
6. Жилина Н.П., Жилина-Элс Т. Юродство как подвиг истинной святости в творчестве русских писателей XIX века // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 3. С. 61–81.
7. Журавлёва А.И. Русская драма и литературный процесс XIX века от Гоголя до Чехова. М.: МГПУ, 1988.
8. Захаров Н.В. Шекспиризм в творчестве А.С. Пушкина // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. С. 235–249.
9. Лотман Ю.М. Историко-литературный комментарий // Пушкин А.С. Борис Годунов. СПб.: «Академический Проект», 1996. С. 129–359. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/selected/god/god-129.htm?cmd=p> (дата обращения: 23.03.2024).
10. Мартиросян О.Я. Традиции древнерусской литературы в изображении типа юродивого в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» // Вопросы филологических наук. 2010. № 2. С. 17–19.
11. Мелихов М.В. Древнерусские воинские повести: проблемы сюжетосложения и идейно-художественная трансформация жанра в литературной и рукописной традиции XV–XVIII вв.: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. СПб., 2003.
12. Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина. Приложение к репринтному изданию. М.: Книга, 1988.
13. Модникова Е.О. Художественное своеобразие драматической трилогии А.К. Толстого. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2012.
14. Мосалёва Г.В. «Русская Одиссея» (путь исторической России: судьба героя) // Вестник Московского государственного областного университета. 2023. № 2. С. 86–97.
15. Непомнящий В.С. «Наименее понятый жанр» // Непомнящий В.С. Поэзия и судьба. М.: Советский писатель, 1983. С. 212–250.
16. Сазонова З.Я. Жанр и тематический аспект в произведениях А.К. Толстого об эпохе Иоанна Грозного: баллады, роман, трагедия: Автореф. дис. ... канд. филол. наук, 2006.
17. Серман И.З. Пушкин и русская историческая драма 1830-х годов // Пушкин: Исследования и материалы. Т. VI. Л., 1969. С. 122–125.
18. Степанян К.А. «Борис Годунов» и «Братья Карамазовы» // Знамя. 1999. № 2. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=708&ysclid=lu5y51v0sq71461476> (дата обращения: 23.03.2024).
19. Трофимова Н.В. Некоторые наблюдения над использованием древнерусских традиций в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» // Литература Древней Руси. М.: Прометей – МПГУ, 2011. С. 154–169.
20. Успенский Б.А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 202 (статья на стр. 201–230).
21. Устрялов Н.Г. Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. II. СПб.: Типография Императорской Российской Академии, 1832.
22. Чижевский Д.И. Достоевский и западноевропейская философия / Публ. А.В. Тоичкиной // Достоевский и мировая культура. 2010. № 27. 264–272.

The Fate of Russia in the Historical Dramas by A.S. Pushkin, A.K. Tolstoy, and A.N. Ostrovsky

Elena Alekseyevna Fedorova — Doctor of Philological Sciences (PhD); Professor of Communication Theory and Practice Department of P.G. Demidov Yaroslavl State University.

E-mail: sole11@yandex.ru

Alexander Pushkin's *Boris Godunov* (1825), Aleksey Tolstoy's *Tsar Boris* (1869), and Alexander Ostrovsky's *Kozma Zakhar'yich Minin-Sukhoruk* (1861, 1866) were written at a period of turmoil in Russia. The playwrights bring up the issue of decisions that a person must make while taking on responsibility for an entire country. Pushkin's and Tolstoy's plays incorporate Shakespearean themes such as challenging fate, obsession, guilty conscience, trial, and redemption. Pushkin's and Tolstoy's works also depict impostors throwing the country into disarray, relishing the turbulence, and thirsting for power. The writers include demonic images haunting these characters. Pushkin contrasts Boris Godunov with Ivan the Terrible, who repented before his death, and the meek Tsar Fyodor. In Tolstoy's drama, Tsar Boris is portrayed as an ideologist who aspires to be an Superman. Like Pushkin's hero, he has a demonic vision. People in Pushkin's drama refuse to make a decision, but as they witness a new atrocity in the final scene, their self-awareness wakes. Pushkin's and Ostrovsky's historical dramas are founded on the motifs of obedience to God's will and the assistance of divine forces, as seen in early Russian literature. Their works depict the righteous, including the chronicler Pimen, the patriarch Job, the fools Nikolka and Grigory, Marfa Borisovna, and Minin. These characters set aside their personal interests in favor of the greater good. Minin is given a vision of St. Sergius of Radonezh, the patron saint of Russia. The vision of the foolish Gregory changes as the Russian people make a choice that determines their fate. Pushkin's and Ostrovsky's dramas draw on the early Russian hagiographic literature and military narratives, with visions, light symbolism, prayer before combat, and farewell kisses. Ostrovsky's play also depicts a conciliar unity of the people.

Keywords: A.S. Pushkin, A.K. Tolstoy, A.N. Ostrovsky, historical drama, early Russian literature traditions, motifs

REFERENCES

1. Bondi S.M. O Pushkine. Stat'i i issledovaniya. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1983 (in Russian).
2. Bochkaryov V.A. Tragediya A.S. Pushkina «Boris Godunov» i otechestvennaya literaturnaya tragediya // Boldinskie chteniya. Gor'kii: Volgo-Vyatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1988. S. 4–13 (in Russian).
3. Vinogradov A.A. Ob istoricheskikh istochnikakh khroniki A.N. Ostrovskogo «Koz'ma Zakhar'ich Minin, Sukhoruk» // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2018. № 4. S. 286–295 (in Russian).
4. Gachev G.D. Soderzhatel'nost' khudozhestvennykh form. Epos. Lirika. Teatr. M.: Prosveshchenie, 1968 (in Russian).
5. Ereemeev A.E. Esteticheskie i poeticheskie osobennosti tragedii A.S. Pushkina «Boris Godunov» // Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya. 2021. T. 15. № 4. S. 8–20 (in Russian).
6. Zhilina N.P., Zhilina-Els T. Yurodstvo kak podvig istinnoi svyatosti v tvorchestve russkikh pisatelei XIX veka // Problemy istoricheskoi poetiki. 2020. T. 18. № 3. S. 61–81 (in Russian).
7. Zhuravlyova A.I. Russkaya drama i literaturnyi protsess XIX veka ot Gogolya do Chekhova. M.: MGPU, 1988 (in Russian).

8. Zakharov N.V. Shekspirizm v tvorchestve A.S. Pushkina // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2014. № 2. S. 235–249 (in Russian).
9. Lotman Yu.M. Istoriko-literaturnyi kommentarii // Pushkin A.S. Boris Godunov. SPb.: «Akademicheskii Proekt», 1996. S. 129–359. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/selected/god/god-129-.htm?cmd=p> (data obrashcheniya: 23.03.2024) (in Russian).
10. Martirosyan O.Ya. Traditsii drevnerusskoi literatury v izobrazhenii tipa yurodivogo v tragedii A.S. Pushkina «Boris Godunov» // Voprosy filologicheskikh nauk. 2010. № 2. S. 17–19 (in Russian).
11. Melikhov M.V. Drevnerusskie voinskie povesti: problemy syuzhetoslozheniya i ideino-khudozhestvennaya transformatsiya zhanra v literaturnoi i rukopisnoi traditsii XV–XVIII vv.: Avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk. SPb., 2003 (in Russian).
12. Modzalevskii B.L. Biblioteka A.S. Pushkina. Prilozhenie k reprintnomu izdaniyu. M.: Kniga, 1988 (in Russian).
13. Modnikova E.O. Khudozhestvennoe svoeobrazie dramaticheskoi trilogii A.K. Tolstogo. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Ul'yanovsk, 2012 (in Russian).
14. Mosalyova G.V. «Russkaya Odisseya» (put' istoricheskoi Rossii: sud'ba geroya) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2023. № 2. S. 86–97 (in Russian).
15. Nepomnyashchii B.C. «Naimenee ponyatyi zhanr» // Nepomnyashchii B.C. Poeziya i sud'ba. M.: Sovetskii pisatel', 1983. S. 212–250 (in Russian).
16. Sazonova Z.Ya. Zhanr i tematicheskii aspekt v proizvedeniyakh A.K. Tolstogo ob epokhe Ioanna Groznogo: ballady, roman, tragediya: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk, 2006 (in Russian).
17. Serman I.Z. Pushkin i russkaya istoricheskaya drama 1830-kh godov // Pushkin: Issledovaniya i materialy. T. VI. L., 1969. S. 122–125 (in Russian).
18. Stepanyan K.A. «Boris Godunov» i «Brat'ya Karamazovy» // Znamya. 1999. № 2. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=708&ysclid=lu5y51v0sq71461476> (data obrashcheniya: 23.03.2024) (in Russian).
19. Trofimova N.V. Nekotorye nablyudeniya nad ispol'zovaniem drevnerusskikh traditsii v tragedii A.S. Pushkina «Boris Godunov» // Literatura Drevnei Rusi. M.: Prometei – MPGU, 2011. S. 154–169 (in Russian).
20. Uspenskii B.A. Tsar' i samozvanets: samozvanchestvo v Rossii kak kul'turno-istoricheskii fenomen // Khudozhestvennyi yazyk srednevekov'ya. M., 1982. S. 202 (stat'ya na str. 201–230) (in Russian).
21. Ustryalov N.G. Skazaniya sovremennikov o Dimitrii Samozvantse. Ch. II. SPb.: Tipografiya Imperatorskoi Rossiiskoi Akademii, 1832 (in Russian).
22. Chizhevskii D.I. Dostoevskii i zapadnoevropeiskaya filosofiya / Publ. A.V. Toichkinoi // Dostoevskii i mirovaya kul'tura. 2010. № 27. 264–272 (in Russian).